

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-95>

УДК 81'42

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ЖИЗНИ НЕСТОЛИЧНОГО ПИСАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

М.А. Секерина (Иркутск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В фокусе исследования – специфика определения современным сибирским писателем своего места в социальном и культурном пространстве, процесса и механизмов встраивания в него как в практическом (бытовом), так и в экзистенциальном (бытийном) аспектах.

Цель статьи – рассмотреть формы и способы организации писательских сообществ Иркутска, дискурсы самопрезентаций и их корреляции с мировоззрением и географией.

Обзор научной литературы по проблеме. Гуманитарные исследования писательских сообществ немногочисленны и ограничены как определенными хронологическими рамками изучаемого объекта (литературные сообщества XX в., рубежа XIX–XX вв., советского периода), так и методологически. В призму гуманитарных исследований редко попадают современные писательские объединения – организации специфические как в институциональном, так и в идеологическом отношении.

Методология (материалы и методы). Исследование является междисциплинарным, что определяет его материалы и методы: социолингвистические (интервью и анкетирование, корреляционный анализ), дискурс-анализ, контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный подход.

Настоящая статья создана по материалам интервьюирования и анкетирования сорока пяти писателей Иркутска и Иркутской области.

Результаты исследования. Членство в определенной организации используется как символический капитал за счет борьбы двух дискурсивных практик эксплицитной «традиционалистской» и имплицитной «иной» (не обозначенной ее приверженцами, но являющейся, по мнению их оппонентов, «антитрадиционалистской»).

Именно институциональная прикрепленность, по мнению конфликтующих сторон, обуславливает способы взаимодействия с культурно значимыми концептами «Писательское сообщество», «Читатель», «Русская литература», «Сибирская литература», «Традиции», «Новаторство».

В географическом и социокультурном аспектах респонденты абсолютным большинством выбирают «национальную» стратегию самопрезентации, вписывая свое творчество в пространство русской литературы, причем в такое ее направление, как реализм.

Заключение. Анализ эмпирического материала позволяет выделить два основных равнозначных инструмента самоактуализации и самопрезентации современного иркутского писателя.

1. Институциональная прикрепленность к тому или иному писательскому сообществу (Союзу писателей России, Союзу российских писателей, представительству Союза российских писателей, Иркутской областной писательской организации).

2. Концепт «Великая русская литература» и принадлежность к ней.

Ключевые слова: *современный писатель, культурное пространство, сообщество, институция, самопрезентация, самоактуализация, иерархизация, концепт, интервью, сибирская литература, русская литература, Субъект.*

Постановка проблемы. В фокусе исследования – специфика определения современным сибирским писателем своего места в социальном и культурном пространстве, процесса и механизмов встраивания в него как в практическом (бытовом), так и в экзистенциальном (бытийном) аспекте.

Цель статьи – рассмотреть формы и способы организации писательских сообществ г. Иркутска, дискурсы самопрезентаций и их корреляции с мировоззрением и географией.

Обзор научной литературы по проблеме. Гуманитарные исследования писательских сообществ немногочисленны и ограничены как определенными хронологическими рамками изучаемого объекта, так и методологически. В основном это литературные сообщества прошлого: XIX в., рубежа XIX–XX вв., советского периода. Специалистами анализируются количественная и качественная эволюция сообществ, социальный контекст их функционирования, этнонациональная и гендерная специфика, соотношение ведущих жанров специализации, влияние регулятивной функции государства на динамику значимых характеристик писательских объединений, взаимосвязь литературных сообществ с литературным процессом [Гриц, Тренин, Никитин, 1929; Гудков, Дубин, 1994; Суций, 2016; Фельдман, 2017 и др.]. В дисциплинарном аспекте – это литературоведческие, социологические, исторические изыскания. Однако методология гуманитарных исследований может быть эффективно дополнена методами социолингвистики и дискурс-анализа [Александр, 2012; 2013; Йоргенсен, Филипс, 2008], ибо «дискурсивная практика не только отражает, но и активно способствует социальным и культурным изменениям» [Йоргенсен, Филипс, 2008, с. 136]. Особенно при выборе в качестве объекта исследования современных писательских объединений, изучения дискурсивных практик данных институций, горизонтальных и вертикальных отношений внутри сообществ и их корреляции с мировоззренческими и идеологическими установками участников.

Методология (материалы и методы). Исследование является междисциплинарным, что определяет его материалы и методы: социолингвистические (интервью и анкетирование, корреляционный анализ), дискурс-анализ, контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный подход.

Результаты исследования. Настоящая статья создана по материалам интервьюирования и анкетирования сорока пяти писателей Иркутска и Иркутской области.

Вопросы интервью группировались вокруг двух основных смысловых блоков – институциональная иерархизация иркутского писательского сообщества, особенности самоактуализации писателя в ней и возможные варианты выхода за ее пределы. Каковы эти пределы, с какими социальными, экзистенциальными, культурными (если выносить культуру за рамки социального как константу по отношению к перманентному) смыслами они ассоциируются. Насколько значимы для самоидентификации современного иркутского писателя концепты «Русская литература», «Сибирская литература» и «Восточно-сибирская литературная школа», учитывая прецедентные имена, мотивы и их место в современной литературе.

В Иркутске существуют четыре официальные писательские организации, являющиеся, согласно уставам, отделениями писательских союзов России: два союза – Союз писателей России и Союз российских писателей, одно представительство – Союз российских писателей, а также Иркутская областная писательская организация.

Члены данных организаций находят официальную институцию необходимой формой самоорганизации. Несмотря на отсутствие значительных материальных преференций от членства в Союзе или Организации, оно используется членами сообщества как символический капитал, инструмент самоактуализации и самопрезентации.

Концепт «Представитель легитимного сообщества литераторов» позволяет синонимизировать понятия индивидуальной творческой деятельности и ее социальной востребованности как в собственном сознании, так и в сознании потенциальных читателей (*Союз дает статус, чувство собственной значимости; Принципиально не хочу издаваться за свой счет или искать спонсоров. Это пошло. Необходим социальный заказ*).

Союз помогает и обязывает, в том числе *Обязывает иметь право на принципиальную позицию*, то есть может предписывать идентичность и избавлять субъекта как от собственной расщепленности, так и от индивидуального взаимодействия с противоречивыми социальными смыслами. Он (Союз) – «тот», на кого можно/нужно сослаться. При всей условности данных институций в современных политических и экономических реалиях и формализации в них идеологического члены сообщества испытывают потребность в регламентирующей и конституирующей функции Организаций. Ибо обретают константу, от которой можно отталкиваться, определяя границы творческой свободы и независимости.

Именно через оппозицию «права/обязанности по отношению к сообществу» проблематизируется респондентами концепт «Творческая свобода» и ее границы.

Ответы варьируются от: *Состою в Союзе писателей России. Творчески не обязывает ни к чему; Поэт должен быть свободен. Иначе он не поэт; Да, состою. Обязательств не испытываю – до: Это обязывает работать во имя России; Да, обязывает следить за образом человека, достойного звания члена Союза писателей России; Обязывает анализировать то, что пишешь, не только с точки зрения самовыражения, но и с точки зрения, будет ли это интересно читателю, возможно, нужна более ясная и лаконичная форма изложения*.

Следует заметить, что концепт «Читатель», несмотря на некоторые «реверансы» в его адрес, оказывается вторичным, осмысляется как еще один «продукт» творчества. Читателя необходимо *формировать, вести за собой, воспитывать, помогать, заинтересовывать, образовывать* и прочее.

В корпусе ответов на вопрос интервью «Как вы думаете, должен ли современный писатель „любезен быть народу”? И если должен, то чем?» обращает на себя внимание устойчивая диссоциация с «народом» как объектом творчества. Несмотря на использование прецедентных формул и смыслов (*Писатель – учится*

у народа и учит народ; и коль дан писателю дар от народа, то он должен воспевать и сострадать народу, любя народ больше себя; Должен тем же, чем и всегда: проникновением в жизнь своего народа, сопереживанием его бедам и радостям, отражением его судьбы в своих книгах, просветительской деятельностью), респонденты, рассуждая о «народе»/читателе, ставят себя в верхнюю, экспертную позицию по отношению к нему (Конечно, он должен быть созвучен своему народу, быть его нервом и зеркалом, но в его лучших качествах и устремлениях; Должен заинтересовать, повести за собой в те темы, стили и образы, какие считает правильными, а не идти самому у нынешнего читателя на поводу; Читателя нужно воспитывать, а не усугублять его и без того плохой вкус).

Апелляция к народу/читателю используется респондентами не для конституирования читателя как субъекта, равноправного участника «литературного процесса», а для конструирования собственного образа, акцентирования наличия гражданственности как значимого компонента.

В большинстве контекстов читатель объективируется, априори лишается субъектности и независимого взаимодействия с литературным текстом (*Нужно быть не «любезным», а полезным: открывать новые темы, быть актуальным, правдивым; И, если нужно, уметь придавать произведениям еще и познавательный характер: это важно сейчас, так как информация обесценивается из-за своей доступности, а количество ошибок в ней зашкаливает; Современный писатель, на мой взгляд, не должен уподобляться поставщику литературного ширпотреба, он должен быть выше сиюминутного, должен видеть глубже и шире. Да, читателей у него будет в разы меньше, чем у модных крикунов, переполняющих интернет-пространство) или нивелируется (*Пушкин писал: «Ты царь. Живи один»; Слово «любезен» с пушкинских времен изменило свое значение. Не обязан; Литература, как и искусство в целом, никому ничего не должна; Не идти на поводу, потакая вкусам, а именно формировать вкус к настоящей литературе; Если ты любезный, ты не писатель, а, в лучшем случае, графоман).**

Анализ материалов интервью и анкетирования позволяет констатировать, что сегодня основным инструментом самоопределения субъекта литературного творчества в качестве такового выступает скорее принадлежность к символической институции, нежели успех у читательской аудитории (*У каждого писателя свой круг читателей. Круг может быть либо широк, либо узок, однако качество писателя оценивается не числом читателей).*

Наиболее многочисленным и заметным в культурном поле Иркутска является Союз писателей России. Он не менял название и резиденцию со времени основания и в силу этих обстоятельств обладает значительным символическим капиталом (Союзу «досталась» почти 100-я история писательской организации Иркутска, прецедентные имена выдающихся членов, журнал «Сибирь», издающийся с 1930 г.).

Кроме того, директор ИДЛ, институции, призванной курировать деятельность всех литераторов области и обладающей не только символическими, но и реальными, практическими возможностями регламентировать социальные

преференции (публикации в журналах, командировки и прочее), является председателем правления Союза писателей России.

Процесс появления остальных сообществ негативно коннотатирован большинством респондентов, определяется как *отпочкование, размежевание (союз развалился; разделились в результате раздора; раздрая; борьбы; неприятия; конкуренции; амбиций)*. Причины данного процесса, *уходящие конями в прошлое*, большинством респондентов вуалируются, замалчиваются (*Мне трудно судить об этом в полной мере; Сколько людей, столько и мнений; Про раскол в 90-е: потому что писатели создают смыслы, а они бывают разные, могут работать и на разобщение. Про расколы в XXI в.: межличностные конфликты*) или эксплицируются клишированными формулами (*борьба традиций и экспериментов; разные оценки русской истории и культуры; разные взгляды; человеческий фактор; каждый мнит себя гением и не согласен на вторые роли; Люди вольны объединяться с кем им хочется. Нельзя загонять всех под одну крышу*). В большинстве случаев повторялись формулировки из вопроса интервью «Разногласия в писательском союзе можно отнести к межчеловеческим, идеологическим, творческим?» (*да; именно, все вместе*) без расшифровки и комментариев.

Некоторые респонденты, как правило, значимые люди в иерархии организаций, были менее эвфемистичны (*Есть Союз писателей России – коренная, патриотическая, прочие – честолюбивые, скандальные, а ранее – космополиты и даже иные – русофобы; А Союз российских писателей выглядит сейчас как следование неким модернистским тенденциям, постмодернистским. Это более прозападное явление; Мы патриоты. Есть два вида писателей. Те, которые стремятся к самовыражению, остальное их не интересует, и те, кто думает в первую очередь, для кого они пишут; Союз писателей России – это осколок советского прошлого, но в конечном счете это вылилось в следование традициям классической русской литературы; Мы пишем в русле школы Восточно-Сибирской книжной традиции, которая идет в русле распутинской прозы; Союз писателей России более традиционен, чем Союз российских писателей. Члены Союза российских писателей смелее идут на эксперимент*).

Подобные высказывания и анализ полных текстов интервью позволяет определить основной смысловой вектор дискуссии «о развале союза», выделить две дискурсивные практики. «Традиционалистов» и «патриотов» (Союз писателей России) и тех, кого они определяют сегодня как *самовыражающихся, экспериментаторов*, собственно, это члены всех *отколовшихся* организаций, но прежде всего – Союза российских писателей.

Следует отметить, что дискурсивные практики «традиционалистов» и «экспериментаторов» претерпели значительные изменения за последние 20 лет. Смыслы, активно эксплицируемые и эксплуатируемые для дискредитации оппонентов в 90-е и поэтому оставившие след в неофициальном дискурсе о писательских объединениях Иркутска (оппозиция *еврейский союз/русофилы/памятники*), более не артикулируются открыто. Вербально (формально) заменены на другую,

не менее прецедентную оппозицию. Ее хорошо демонстрирует высказывание – ответ на вопрос интервью «Раньше писатели создавали организации по близости взглядов на искусство (футуризм, акмеизм...). А сейчас?»: *По направленности, условно говоря, на Восток или на Запад, больше на отечественную или на зарубежную литературу, как на образец; еще на реализм, или на фантастику.*

Никто из респондентов, независимо от членства в том или ином союзе, не соотнес собственное творчество с экспериментами и не определил его как новаторское. Самый распространенный ответ на вопрос «К какому направлению ваше творчество ближе?» – *реализм*. Иные ответы: *к традиции русского реализма; православный реализм; не знаю, проще сказать, кого я люблю – Пушкина...; прислушиваюсь к своей душе и настроению, классическая русская поэзия; к классике, но все равно получается свое собственное; Лирика. Романтизм. И он не заканчивается на XIX в.»; Классическая русская поэзия; Вероятнее, традиционализм; Пусть в этом разбираются литературоведы и читатели.*

Концепты «Эксперименты», «Модернизм», «Постмодернизм» и подобные использовались исключительно по отношению к *самовыражающимся*. В высказываниях респондентов *самовыражение* негативно коннотативно и дискредитировано в разных аспектах: от социального (*не думают о том, для кого пишут*) до профессионального (*дилетантство, незрелость*).

Со стороны членов «вторичных союзов» не звучала дискурсивно обусловленная и поэтому ожидаемая интервьюером ирония в адрес Союза писателей России по поводу *скреп, корней* и эксплуатации *духовности*. Не акцентировались мировоззренческие, идеологические, творческие разногласия. В качестве претензии высказывалась исключительно возможность материального самолюбирования вследствие близости к источникам финансирования. О вторичности текстов *в русле распутинской прозы*, исчерпанности традиционных для *сибирской литературы* сюжетов и мотивов говорили члены Союза писателей России (*Но чем дальше, тем больше повторений. Но Сибирь стала более разнообразной, нужны другие изобразительные средства*).

Наиболее продуктивным и значимым для самоактуализации писателя, независимо от членства в том или ином союзе, в 21 г. XXI в. явился концепт «Великая русская литература» и принадлежность к ней.

Второй блок вопросов интервью и анкет касался выбора локальной или глобальной стратегии самопрезентации писателей и сообществ («Нужен ли учебник по региональной литературе?», «Какие там должны быть главы, разделы?», «Можно ли говорить о сибирской литературе как отдельном культурном явлении?», «Если можно, то какие особенности сибирской литературы вы бы выделили?») «Насколько уместно распространенное в современной прессе деление на столичных и местных писателей?»).

Вопрос о необходимости учебника по региональной/сибирской литературе в контексте остальных вопросов блока оказался провокационным. Ибо все опрошенные, за исключением одного человека, активно поддержали такую

идею, многие подробно описали его содержание и рубрикацию. Однако о региональной/сибирской литературе как отдельном культурном явлении согласны говорить меньше половины респондентов (*«Отдельное культурное явление» – это ведет к сепаратизму. Нужно говорить о русской литературе Сибири (как части России), о литературе народов Сибири, создаваемой на родном языке. При Институте истории, филологии и философии в Новосибирске работал отдел, который так и назывался: «Сектор русской литературы Сибири»; Нет, нельзя. Точнее, лучше не надо. Ни к чему хорошему не приведет. Водораздел проходит по конкретным именам; Не уверен, что литература может быть региональной; Проблема литературы, что культурное пространство стало разорванным на регионы; Нет, нельзя. О литературе, отражающей сибирский менталитет и создававшейся до XXI в., – можно).*

Данное противоречие обусловлено тем, что, с одной стороны, оперирование понятием «Сибирская/региональная литература» ограничивает, не дает вписаться в более широкое культурное пространство (*Нет. «Сибирскую» литературу придумали литературоведы. Ее характеристика – некоторая местечковость, обособленность от России*), но, с другой – выделяет/может выделить литературное произведение в бескрайнем поле современной литературы. Благодаря прецедентным смыслам и знаковым именам принадлежность к данной культурной константе является символическим капиталом для местных писательских сообществ (*Разумеется, но лишь в русле всей РУССКОЙ литературы*).

Определение респондентами «особенностей сибирской литературы» отражает устойчивую примитивизацию смыслов, стереотипичность представлений о сибирской литературе в региональном писательском сообществе. Для иллюстрирования используются концепты-клише (*сибирская природа; матерые характеры; жизнь людей на сибирских просторах; неповторимость, чистота, энергетика Байкала, земля как источник силы; суровые условия; покорение новых земель, открытия; преодоление, любовь к родной земле, духовные традиции поколений; вклад Сибири в историю России; доброта, народный/образный язык*).

Русская литература Сибири отражает природу, культуру, жизненный уклад, характеры жителей сибирских регионов.

Это – колоритность, суровость (все-таки тайга рядом).

Типизация сибирских характеров (волевой человек, чудик и т.д.), природа всегда описывается как живая и разумная стихия.

Использование сибирских говоров для создания местного колорита.

Возможность/невозможность вписать себя и свое творчество в широкое культурное пространство («Насколько уместно распространенное в современной прессе деление на столичных и местных писателей?») иркутские писатели рефлексировали в аспекте социальных/культурных бонусов и предпочтений, недоступных вследствие геополитических причин. В целом подобные противопоставления представляются членам писательских сообществ Иркутска некорректными (*В столице больше «чистых» писателей, которые занимаются*

только литературой; В провинции приходится еще где-то работать...; Столичные издаются большими тиражами; В регионах... культурный слой тоньше; Пренебрежение столицы к провинциалам любого уровня было, есть и будет; В отличие от центральной, европейской литературы – меньше разной зауми, близость к реальным проблемам; Вообще неуместно. Много столичных писателей пишут слабо. Но у них больше возможностей публиковаться. Сибирские писатели ничуть не хуже. Близость к центру не показатель таланта; Многие столичные когда-то были местными).

Итоговый, имплицитно связующий вопросы интервью и анкет в единый текст концептуальный вопрос о сегментации и иерархизации современного поля литературы в представлении иркутских писателей – членов легитимных институций звучал как «Можете ли вы назвать выдающихся писателей современности?». И оказался самым сложным для респондентов. Большинство отказались от ответа (*Это сложный вопрос; Сложно ответить; Не готов ответить; Чтобы ответить на подобный вопрос, нужно время для подготовки; Кроме меня, еще несколько (это шутка); Выдающихся писателей назовут лет через 50; Кто выдающийся – покажет время; А.С. Пушкин*). Остальные задавали уточняющие вопросы (*Следует уточнить: современных писателей России, мира или только сибиряков?; Вопрос принадлежности. Выдающихся – в каких временных рамках и в каких территориальных масштабах? Проживающих в Сибири или пишущих о Сибири?; Из сибирских (иркутских, бурятских, забайкальских), а если учитывать, что Иркутская губерния некогда простиралась до Тихого океана, то и якутских, и приморских?*) или делали много оговорок (*Говорить про живых и в добром здравии сложно, пусть читающий народ со временем рассудит; Для меня это выдающиеся личности из общей массы пишущих и знакомых мне людей; Применять слово «выдающиеся» от лица других людей не могу. Всё относительно*).

Меньшинством опрошенных были названы следующие имена: *Но есть бесспорные классики: В. Личутин, Н. Зиновьев...; Если – живших чуть ранее моей зрелости, но знакомых мне по своим произведения, то: Владимир Клавдиевич Арсеньев, Александр Алексеевич Побожий, Вячеслав Яковлевич Шишков, Анатолий Степанович Иванов, Георгий Мокеевич Марков... Поэт Николай Зиновьев. Прозаик Юрий Поляков. Из ныне здравствующих – Мариам Петросян, Наринэ Абгарян. Из ушедших не так давно – Валентин Распутин, Виктор Астафьев; Ближе к дате сего дня – Валентин Григорьевич Распутин, Иван Иванович Козлов, Анатолий Григорьевич Байбородин, Альберт Семёнович Гурулёв, Ким Николаевич Балков, Юрий Иванович Баранов, Владимир Гомбожапович Митыпов, Георгий Рудольфович Граубин, Арнольд Иннокентьевич Харитонов, Александр Константинович Лаптев, Владимир Павлович Максимов, Андрей Александрович Антипин и другие; Могу назвать только отдельные книги отдельных авторов, оставившие наиболее яркий след в современной литературе: «Кысь» Т. Толстой, «Лавр» Е. Водолазкина; Однако сейчас все более актуальным становится реализм, однако прошло слиш-*

ком мало времени, чтоб назвать действительно знаковые произведения. Присмотримся пока к Юрию Лунину и Андрею Антипину; Игорь Тюленев, Пермь; Виктор Кирюшин, Москва; Валентина Ефимовская, публицист, Питер; Валентина Ерофеева, Омск; Поэт Суровцева Татьяна Николаевна, член Союза писателей России. Хотя знаю еще некоторых ярких поэтов, не состоявших в Союзе; Евгений Водолазкин, Елена Лапшина, Александр Кабанов, Людмила Улицкая; В.Г. Распутин и А.В. Вампилов; Астафьев, Распутин, Василь Быков.

Заключение. Анализ эмпирического материала, полученного в результате интервьюирования и анкетирования современных литераторов, позволяет выделить два основных равнозначных инструмента самоактуализации и самопрезентации современного иркутского писателя.

1. Институциональная прикрепленность к тому или иному писательскому сообществу (Союзу писателей России, Союзу российских писателей, представительству Союза российских писателей, Иркутской областной писательской организации).

2. Концепт «Великая русская литература» и принадлежность к ней.

Членство в определенной организации используется как символический капитал посредством борьбы двух дискурсивных практик: эксплицитной «традиционалистской» и имплицитной «иной» (не обозначенной ее приверженцами, но являющейся, по мнению их оппонентов, «антитрадиционалистской»).

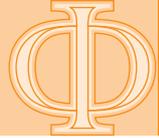
Именно институциональная прикрепленность, по мнению конфликтующих сторон, обуславливает способы взаимодействия с культурно значимыми концептами «Писательское сообщество», «Читатель», «Русская литература», «Сибирская литература», «Традиции», «Новаторство».

Однако, как показало исследование, открытая борьба *патриотического/руссофильского/либерального/прозападнического* дискурсов более не актуальна. В той или иной мере их ключевые концепты «отработаны» в дискурсивной войне, стали легкой мишенью для пародирования, метонимически узнаваемы.

Эксплицитная универсализация языка открывает больше коммуникативных возможностей, позволяет уйти от ответственности за дискредитированные радикальные смыслы, избежать обвинений в жесткой детерминированности и редукции культурного пространства.

Примечательно, что продуцируют универсальные смыслы те члены сообществ, которые претендуют на экспертность и ведущую роль в данных институциях. И делают это на уровне деклараций. На уровне социальных практик (проведение фестивалей, мероприятий, организуемых тем или иным союзом) отрабатываются традиционные, привычные, легко узнаваемые референтной группой (рядовые члены сообщества, институции-посредники, «свой» круг читателей) смыслы.

В географическом и социокультурном аспектах респонденты абсолютным большинством выбирают «национальную» стратегию самопрезентации, вписывая свое творчество в пространство русской литературы, причем в такое ее направление, как реализм.

Библиографический список

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
3. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛЮ, 2000. 352 с.
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алтейя, 2014. 576 с.
5. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М.: Федерация, 1929. 373 с.
6. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: НЛЮ, 1994. 352 с.
7. Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 336 с.
8. Суций С.Я. Художественное общество: тенденции советского периода (на материалах Ростовской области) // Социологические исследования. 2016. № 1. С.77–85.
9. Фельдман Д.М. Литература и политика: российские писательские сообщества 1890–1920 годов в политическом контексте // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 177–199.

Сведения об авторе

Секерина Маргарита Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет; e-mail: mseckerina@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-16-4-95>

SOCIO-CULTURAL PARADIGM OF THE LIFE OF THE NON-METROPOLITAN WRITERS« COMMUNITY

M.A. Sekerina (Irkutsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The research focuses on the specifics of the modern Siberian writers' understanding of their place in the social and cultural space, the process and mechanisms of finding this place both in practical (everyday) and existential (existential) aspects.

The purpose of the article is to consider the forms and methods of organizing writers' communities in Irkutsk, discourses of self-presentations and their correlations with worldview and geography.

Review of the scientific literature on the problem. Humanitarian studies of writers' communities are few and limited both by certain chronological frames of the object under study (literary communities of the nineteenth century, the turn of the nineteenth/twentieth centuries, the Soviet period) and methodology-wise. Modern writers' associations, organizations specific both institutionally and ideologically, rarely fall into the prism of humanitarian studies.

Methodology (materials and methods). The research is interdisciplinary, which determines the choice of its materials and methods: sociolinguistic (interviews and questionnaires, correlation analysis), discourse analysis, contextual analysis, and cognitive-discursive approach. This article is based on the materials of interviewing and surveying forty-five writers of Irkutsk and the Irkutsk region.

Research results. Membership in a certain organization is used as symbolic capital due to the struggle of two discursive practices – explicit “traditionalist” and implicit “other” ones (not designated by its adherents, but, according to their opponents, “anti-traditionalist”).

It is the institutional attachment, according to the conflicting parties, that determines the ways of interaction with the culturally significant concepts of “Writer’s Community”, “Reader”, “Russian Literature”, “Siberian Literature”, “Traditions”, and “Innovation”.

In geographical and socio-cultural aspects, respondents, by an absolute majority, choose a “national” strategy of self-presentation, inscribing their creativity in the space of Russian literature, in such direction as realism.

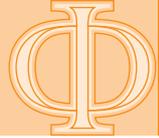
Conclusion. The analysis of the empirical material allows us to identify two main equivalent tools of self-actualization and self-presentation of the modern Irkutsk writer:

1. Institutional attachment to a particular writers' community (the Union of Writers of Russia, the Union of Russian Writers, the representative office of the Union of Russian Writers, the Irkutsk Regional Writers' Organization);
2. The concept of “Great Russian literature” and belonging to it.

Keywords: *contemporary writer, cultural space, community, institution, self-presentation, self-actualization, hierarchization, concept, interview, Siberian literature, Russian literature, Subject.*

References

1. Aleksander J. Cultural trauma and collective identity // *Sotsiologicheskiy zhurnal Sociological Journal*. 2012. No. 3. P. 5–40.
2. Aleksander J. *Meanings of Social Life: Cultural Sociology*. Moscow: Praxis Publ., 2013. 640 p.
3. Berg M. *Literature. The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow: NLO Publ, 2000. 352 p.

4. Bourdieu P. The social space: fields and practices. Saint Perersburg: Aleteia Publ, 2014. 576 p.
5. Feldman D.M. Literature and Politics: Russian Writing Communities of 1890–1920 in a Political Context // Rossiya and sovremennyy mir Russia and the modern world. 2017. No. 3. P. 177–199.
6. Grits T., Trenin V., Nikitin M. Literature and Commerce. Moscow: Federatsiya Publ, 1929. 373 p.
7. Gudkov L.D., Dubin B.V. Literature as a social institution. Moscow: Federatsiya Publ, NLO, 1994. 352 p.
8. Sushchiy S.Ya. Art Society: Trends of the Soviet Period (based on materials from the Rostov Region // Sociological research (Sotsiologicheskie issledovaniya). 2016. No. 1. P. 77–85.
9. Yorgensen M.V., Filips L.J. Diskurs-analiz as Teoriya and metod. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr Publ, 2008. 336 p.

About the author

Sekerina Margarita Aleksandrovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Philology and Methodology, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: mseckerina@yandex.ru